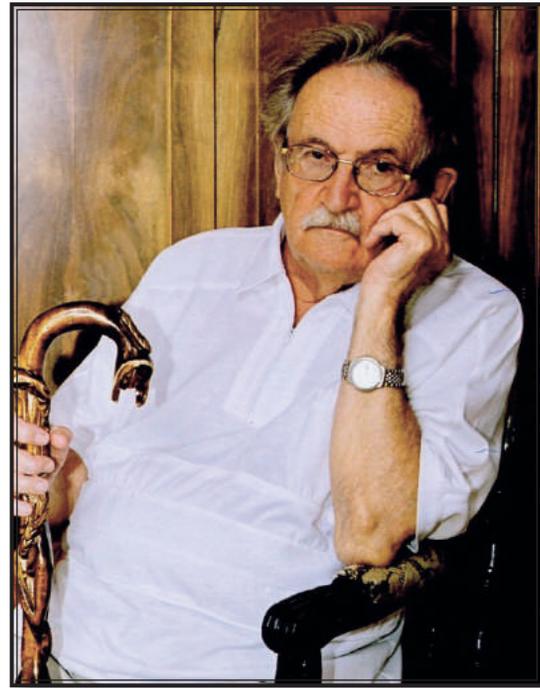

**Светлой памяти
Иосифа Львовича Ферфильфайна –
доктора медицинских наук,
профессора-офтальмолога
(27.03.1922 – 05.06.2015)**

ЧЕЛОВЕК. ГРАЖДАНИН

И.Л. Ферфильфайн воспитанник Киевской офтальмологической школы академика В.Н. Архангельского, в равной мере представитель школы В.П. Филатова и Московского института глазных болезней имени Гельмгольца. Доктор наук, профессор, опытный клиницист, талантливый ученый и организатор, создатель школы социальной офтальмологии, заботливый учитель, автор и соавтор двенадцати научных книг, создатель более трехсот научных работ – это неполный список всех достижений Иосифа Львовича.

27 марта Иосифу Львовичу Ферфильфайну исполнилось бы 94 года. Исполнилось бы, но ... Жизнь вспять не повернуть.

Иосиф Львович родился в Киеве в семье железнодорожного служащего. Жили очень скромно: семья их четырех человек ютилась в маленькой комнате, жизненное пространство у каждого было ограничено, уроки приходилось делать либо на краешке стола, либо на подоконнике. Хроническая бедность, полуголодное существование. Даже переезд из столицы в Бердичев не сделал жизнь сытнее и богаче. После рождения сестренки долго и тяжело болела мама. Когда Иосифу было 14 лет, мама умерла. После ее смерти дети в полной мере познали, что такое мачеха.

Лучший математик в классе, он стал подрабатывать – занимался репетиторством и натаскивал детей по математике (копил на велосипед). Закончив школу в 1940 году, во время всеобщего призыва стал проситься в армию, но из-за плохого зрения его не брали. Тогда он пошел к военкому и добился своего. Попал в минометный взвод, который отправили в Эстонию. Во время очередного медицинского обследования Иосифа, неожиданно для него, положили в госпиталь. Важный профессор-немец долго осматри-

вал глаза. Затем изрек: «У нас бы ты служил, но по советским законам – не подлежишь». Через 10 дней после выписки из госпиталя, в январе 41-го, его комиссовали «по причине глазной болезни». Позже он понял, что это спасло ему жизнь: тысячи необученных пацанов сложили головы при первом же наступлении немцев.

Вернулся в Бердичев и в начале июня 41-го отправил документы для поступления в Ленинградский электротехнический институт, куда и был принят без экзаменов на основании школьного аттестата с отличием. И уже почти собрался ехать, но что-то помешало, отложил поездку на несколько дней. ... Началась война.

Слухи ползут один страшнее другого: всех евреев расстреливают. Дедушка не верит: «немцы – культурная нация, я их помню с 14-го года». В оккупации остались почти все близкие, и все они были расстреляны.

Отец, Иосиф, сестра и мачеха с маленьким ребенком в начале июля 41-го отправились в эвакуацию. Ехали на подводах, под бомбежками, голодные, невымытые. Иосиф помнит Буденновск, где они остановились и впервые досыта наелись: белый хлеб и арбузы. (С тех пор Иосиф Львович всегда ел арбузы с белым хлебом.) Потом еще более дальняя дорога, но уже в поездах, забитых беженцами. Из еды – брюква сырая, на станциях – кипяток, пайки хлеба и, если повезет, миска супа.

Поздней осенью 41-го оказались в Челябинске. Холодно, голодно. Живут за простыней в чужом доме. Отец устроился кочегаром, 14-летняя сестра – посудомойкой, а Иосиф не может найти работу. Как-то, когда они с отцом стояли в очереди в столовую, за ними заняли очередь трое молодых людей. При разговоре они узнали, что Иосиф не может устроиться на

работу и, конечно же, у него нет хлебной карточки. «Зачем ему работать? – удивился один из парней. – Пусть поступает к нам, в мединститут, будет хлебная карточка». Вначале шок: «При чем здесь мединститут?». Потом: «А почему бы и нет?» Утром Иосиф отправился в приемную комиссию. С собой только табель, а аттестат – в Ленинграде. И конечно же отказ. Уже уходил, когда кто-то сказал: «А ты подойди к ректору. У него фамилия Медведь и по повадкам он тоже медведь. А вдруг возьмет».

– И вот стою я перед ректором, худой, немый, плохо пахнущий, – вспоминает Иосиф Львович. – Что-то пробормотал насчет документов, которые остались в Ленинграде. «Хочешь учиться?» «Хочу». Ректор взял мое заявление и написал: «Принять. Выдать карточку». Так Иосиф стал студентом Киевского медицинского института в Челябинске. Так определилась его судьба.

Весной 1944 года мединститут возвратился в освобожденный Киев. Староста группы Иосиф Ферфильфайн привел группу на экзамен на кафедру глазных болезней. Завкафедрой, полковник медицинской службы Виталий Николаевич Архангельский, потребовал зачетки. «Они в деканате», – сказал староста. «Без зачеток экзамен не принимаю. Пусть группа ждет, а ты сгоняй в деканат за зачетками». Почти всю дорогу Иосиф бежал, так как приказано было вернуться через 20 минут. Деканат находился далеко от кафедры глазных болезней. Дверь деканата была заперта, и Иосиф отправился к ректору. Тот взял ручку и написал на бумажке: «Приказываю принять». И только тут Иосиф понял, что попал в «переплет». Обратная дорога оказалась ему дорогой на эшафот – наказание неотвратимо. Припомнилось почему-то: в древности за плохую весть посланца казнили. И кара не замедлила себя ждать. Прочитав записку, профессор от гнева покраснел. «Прошу Вас», – вежливо пригласил к столу, за которым уже сидели доцент и ассистенты. И каждый раз, когда студент отвечал по билету, профессор спрашивал Иосифа: «А что Вы можете сказать по этому вопросу? Дополните!» И так все тридцать раз. По окончании экзамена профессор встал: «Поздравляю, – сказал он, – ставлю Вам пять. Приглашаю к себе на кафедру для научной работы», – и пожал руку.

Так второй раз определилась его жизнь, определилась его профессия. Но тогда Иосиф подумал, что его не примут ни в аспирантуру, ни в ординатуру. «Пятая графа не та, да и связей нет». Распределительная комиссия отправила его в Молдавию, в Чимишлийский район, а затем в Михайловку. С собой он вез чемодан книг по медицине. Это было главное богатство.

Два участка, которые им с женой определили, находились далеко от больницы – один в 12 км, другой в 27 км. «Вот ваш дом и больница», – сказали им по приезду. Дом был полуразрушен. Молодых врачей

встретила единственная сотрудница больницы, санитарка Лиза. В райцентре им выдали белье, для аптечки – немного марли, ваты, йода и два шприца. Фельдшер из дальней деревни поделился «ценным трофеем» – лекарствами, оставленными немцами. Иосиф хорошо знал немецкий язык, и ему несложно было изучить назначения препаратов.

Дом, в котором жили молодые врачи, принадлежал до войны румынскому врачу, и в нем было много медицинских книг на немецком языке. Эти книги во многом помогли Иосифу Львовичу в его работе на участке. Самым большим желанием было построить больницу. Материалы добывали, разбирая разрушенные дома. Председатель сельсовета помогал рабочей силой. Постепенно разрушенный дом превращался в больницу. Когда стройка уже заканчивалась, в Кишиневе выделили стекла для окон, а затем и постельное белье для больницы.

Первыми пациентами были сыпнотифозные. Во время эпидемии в Чимишлии заразился сыпным тифом и он сам. Состояние было крайне тяжелым, и все боялись, что доктор умрет. Первый секретарь райкома партии Филлипов позвонил в Кишинев и потребовал лучшего врача. Приехал доцент, привез лекарства. Филлипов сказал ему: «Не уедешь отсюда, пока не вылечишь нашего доктора».

Жизнь ставила молодого врача перед фактом: районная больница далеко, «скорой помощи» нет, акушеров нет, хирургов нет. Приходилось всю ответственность брать на себя. Судьба подбрасывала случаи и обстоятельства чрезвычайно серьезные. Вот один из случаев: молодая роженица со вздувшимся животом. Поперечное предлежание плода, «выпавшая ручка» – ясно, что ребенок погиб, жизнь матери исчисляется несколькими часами. Везти в районную больницу нельзя, в любой момент мог случиться разрыв матки.

Поздний вечер, свет керосиновой лампы. Эфирный наркоз; в любой момент может вспыхнуть эфир. Из проволоки Иосиф сооружает «крючок Брауна». Он видел такой в немецкой книге по акушерству. Первая в жизни операция по акушерству. Казалось: кто-то руководит его руками и головой. Операция прошла успешно.

Второй случай. За доктором приехал старый человек на подводе. Он умолял спасти невестку, мать пятерых детей. У роженицы страшные боли, отеки, судороги. И тут доктор вспоминает, что есть способ Молчанова, применяемый для лечения рожениц. И он посылает в больницу за морфием. Женщина спасена, роды прошли нормально, прошли отеки.

Тяжелейших случаев родов было восемь, но ни одна роженица не погибла. После одного из таких случаев Иосиф Львович вспоминал: «Операция закончилась под утро. Лежу на телеге, смотрю в небо: сперва звезды, потом встает солнце. И запел жаворонок. И так хорошо и светло на душе...»

Часто перед ним вставал вопрос: как он решался на такое, кто ему подсказывал, кто руководил им? Ответ пришел неожиданно!

Уже по возвращении в Киев довелось ему ассистировать профессору Архангельскому, которого Иосиф Львович называл своим Учителем. Оперировали высокопоставленного киевского священника. Операция прошла успешно, а потом пришло письмо и в подарок – серебряный подстаканник. В письме объяснялось, почему Иосифу Львовичу удавалось достигнуть желаемого. «Я благодарен Богу, – писал святой отец, – что он Вашими руками возвратил мне зрение».

Рабочие дни Иосифа были загружены до предела. Цветущие каштаны видел только из окна трамвая. Как старший лаборант помогал профессору, как ординатор – с утра приходил на работу и занимался больными. Ездил на вызовы по санавиации, участвовал в ликвидации эпидемии трахомы. По окончании рабочего дня мчался в виварий, где проводил опыты на кроликах, купленных на свои скромные деньги. Научные опыты требовали ежедневных наблюдений.

В начале 1954 года, ложно обвиненный в сокрытии социального происхождения, он был исключен из кандидатов в члены партии. И все попытки доказать свою правоту заканчивались словами: «А, так вы еще и сопротивляетесь? Так мы вас арестуем!»

Профессор Архангельский пытался защитить своего ученика, но все было тщетно. В одночасье Иосиф остался и без работы, и без диссертации. Пришлось перебиваться случайными заработками.

«В этот момент я особенно остро ощутил: мир делится на добрых людей и злых, – говорил Иосиф Львович. – Злых я так и не простил, хотя в Библии сказано: надо прощать. Но, как говорится, «пепел Клааса стучит в мое сердце». А Библию читаю ежедневно. Великая книга помогает проверять, правильно ли живу по Заповедям Божиим».

Из Киева Иосиф Львович переезжает в Днепропетровск. Здесь он находит работу во 2-ой горбольнице, где глазного отделения еще не было и его еще только предстояло создать. Главный врач больницы привел его в бывшую ванную комнату и сказал: «Здесь будет ваша ординаторская. А своих больных вы можете класть на койки травматологического отделения». Но прежде чем принять Иосифа Львовича на работу, ему предложили показать, как он оперирует. Оперировать пришлось в гинекологической операционной. Присутствовали: главный врач, парторг, профорг. Одобрили. Так было создано глазное отделение в больнице, которая обслуживала громаднейший по насыщенности предприятиями заводской район. Здесь его принимали в партию. Так прошло 12 лет. Потом было создано городское глазное отделение, а потом пришло письмо от академика Архангельского. Учитель приглашал встретиться и обсудить вопросы с

диссертацией, которая и на тот момент не устарела: ее нужно было лишь только обновить.

Более 35 лет своей жизни Иосиф Львович отдал своему второму детищу, созданному им глазному отделению в «ДИВЭТИНе» (сейчас УкрГосНИИ медико-социальных проблем инвалидности).

Всю жизнь Иосиф Львович много работал, не щадя ни сил, ни времени, ни доброты. Семеро его диссертантов стали кандидатами медицинских наук.

Всю свою жизнь он не копил что-то, а отдавал людям, и люди ему платили тем же. В день его рождения никогда не умолкал телефон: звонили коллеги, ученики, друзья и бывшие пациенты, часть из которых стали друзьями, часть – просто помнящими его золотые руки и свет, который он им подарил. Его богатство – больничка, построенная в глухом молдавском селе, люди, которых он возвращал к жизни, глазное отделение во 2-ой горбольнице, городское глазное отделение, глазное отделение, которое он создал в ДИВЭТИНе, люди, которым он вернул свет, его ученики и, конечно же, книги. Общий стаж работы Иосифа Львовича – 63 года, до 83 лет он работал в ДИВЭТИНе и до конца своих дней он считал себя членом этого коллектива, и коллектив отвечал ему заботой и вниманием. В глазном отделении, которое он создал, и напротив входа в приемную директора института, профессора А.В. Ипатова, висят фотография Иосифа Львовича и стенд с его книгами.

Большой дар Иосифа Львовича рождать идеи и осуществлять их может быть эталоном для современников.

Когда уходит из жизни неординарный человек, с ним уходит целый мир. Но И.Л. Ферфильфайн оставил нам прекрасное наследие – плеяду учеников, целое направление в офтальмологии. Он – основоположник социальной офтальмологии в Украине. При его непосредственном участии создана специализированная офтальмологическая служба медико-социальной экспертизы страны и подготовлены врачи-эксперты для ВТЭК.

В области социальной офтальмологии И.Л. Ферфильфайн разработал эргономические аспекты трудоспособности слепых и слабовидящих, методы функциональных исследований глаз, а также контрольных методов определения зрительных функций. Большое внимание в своих работах он уделял реабилитации слепых и слабовидящих – рабочих предприятий УВП УТОС. Совместно с сотрудниками Института глазных болезней и тканевой терапии им. В.П. Филатова в 1979–1991 годах им и его учениками было дано научное обоснование профессиональной и медицинской реабилитации этой тяжелой категории больных (производственная деятельность, лечение, физкультура и спорт и т.п.). Эта работа проводилась проблемной лабораторией, созданной И.Л. Ферфильфайном в рамках Украинского общества слепых.

Светлая ему память.